

Марк БУРНО

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ХАРИТОНА

Пьеса в 3-х действиях

для

Реалистического психотерапевтического театра

Москва

**Российское общество медиков-литераторов
1998**

Марк БУРНО

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ХАРИТОНА

Пьеса в 3-х действиях

для

Реалистического психотерапевтического театра

Учебно-методическое пособие по психотерапии

Москва

Российское общество медиков-литераторов

1998

Бурно М.Е. В день рождения Харитона (пьеса в 3-х действиях для Реалистического психотерапевтического театра): Учебно-методическое пособие по психотерапии. М.: Издательство Российского общества медиков-литераторов. 1998. - 51 с.

В авторской редакции

Автор: Бурно Марк Евгеньевич - доктор медицинских наук, профессор кафедры психотерапии Российской медицинской академии последипломного образования (РМАПО, Москва); вице-президент Профессиональной психотерапевтической лиги (ППЛ), руководитель секции «Терапия творческим самовыражением» в ППЛ; действительный член Московской психотерапевтической академии, объединяющей специалистов, обращённых своими работами к широкой аудитории читателей, слушателей, зрителей; руководитель Реалистического психотерапевтического театра (Независимая психиатрическая ассоциация России, кафедра психотерапии РМАПО, Московский наркологический диспансер №1).

Издание осуществлено за счет средств автора.

© Бурно Марк Евгеньевич

© Бурно Алла Алексеевна - психотерапевтический рисунок на обложке

ISBN 5-89256-009-0

Лицензия ЛР № 030857 от 14.10.1998 г.

Формат 60х84/16 Печ.л. 3,25 Тираж 100 экз. Заказ **499**

Изд-во Российского общества медиков-литераторов
109280, Москва, 2-й Автозаводской проезд, 4/5

Типография МЭИ, Красноказарменная, 13

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

В е р а В а с и л ь е в н а П и р о ж и х и н а , 60 лет.

Х а р и т о н П и р о ж и х и н , 35 лет, её сын.

А р и н а П и р о ж и х и н а , 32 года, её дочь.

С т е п а н П и р о ж и х и н , 32 года, её племянник.

О л е с я В о л г и н а , 27 лет.

К а ш е х л е б о в , 40 лет, сосед по лестничной площадке.

Н а д я К а ш е х л е б о в а , 40 лет, его жена.

События, переживания происходят в заводском российском городе, в квартире Пирожихиных летом 1998 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Большая комната-гостиная в квартире Пирожихиных со сказочно-акварельными пейзажами Кашехлебова на стенах. Посередине длинный стол с букетом скромных городских цветов. Рядом с цветами - толстая тетрадь, книга, свеча в подсвечнике. В глубине сцены - дверь в комнату Харитона. Несколько стульев вокруг стола. Справа от стола - кресло. За окном - серые каменные коробки грубых многоквартирных домов. Летний полдень.

Входит В е р а В а с и л ь е в н а с сумками, из которых высовываются пакеты с крупой и макаронами. Устало ставит сумки на пол, присаживается к столу, лицом к зрителям, и некоторое время что-то пишет в тетрадь.

В е р а В а с и л ь е в н а (*откладывает ручку, читает из тетради вслух сама себе*). Как быстро движется это лето! Начало июля, а уже краснеют ягоды рябины. Харитоше сегодня тридцать пять.

Пауза.

(*Размышляет вслух.*) Тревожная тоскливость так заметно смягчается, когда пишу дневник. Потому что записанное настроение, переживание отчетливее видится, понимается как твое собственное, личное. А что понятнее как своё, своя природа, - уже не так тяжело. (*Смотрит на акварели на стенах.*) Если б ещё умела свое настроение рисовать, как мой милый, светлый Кашехлебов.

Из своей комнаты выходит неловкий, застенчивый Х а р и т о н .

Х а р и т о н . Мама...

Пауза.

Сегодня...

В е р а В а с и л ь е в н а . Такой виноватый Харитоша... Принёс себе ко дню рождения ещё одного бездомного котенка? Или щенка?

Х а р и т о н . Мама, я привел к нам жить девушку Олесю. Из психушки бежала. Спала на вокзале, на каменном полу. Месяц не мылась, но трезвая. Только изголодалась. Пожалуйста, проводи её в ванную и покажи всё там. Потом покорми моим вторым праздничным завтраком - жареной картошкой с курицей.

В е р а В а с и л ь е в н а . А может, вы этот завтрак с ней напополам съедите?

Х а р и т о н . Нет, Олеся очень голодна.

В е р а В а с и л ь е в н а . Олеся в твоей комнате?

Х а р и т о н . Да, но не торопись. Я дал Олесе пока хлеба с чаем. Ей там хорошо. Смотрит альбом картин Брейгеля.

В е р а В а с и л ь е в н а . Тогда доперепишу в дневник старое корейское стихотворение. Созвучно моей душе. С ним больше чувствую себя собою, и мне легче. Хочу его наизусть выучить.

Х а р и т о н . Пиши, пожалуйста. А я буду смотреть на тебя с благодарностью за то, что ты родила меня.

Пауза.

Кашехлебов не вернулся?

В е р а В а с и л ь е в н а (*переписывает из книги на столе*). Нет ещё. Но звонил жене, что прилетит сегодня. Уже без почки.

Х а р и т о н . Как хорошо, что у нас ни телефона, ни телевизора! Как во времена Брейгеля или Лермонтова.

В е р а В а с и л ь е в н а (*продолжая писать*). С другой стороны, Кашехлебов мог бы и нам позвонить по телефону из Америки, а не только Наде. Ох, Кашехлебов! За океан, к брату полететь в гости, чтобы продавать там свою почку... и дачу в

лесу для всех нас на эти деньги построить, чтоб мы там в жару ели мороженое с клубникой и йогурты. Так и сказал. С ума сойти! Как я его люблю! В дневнике, конечно. (*Закрывает тетрадь.*)

Х а р и т о н . Почитай мне это корейское стихотворение.

В е р а В а с и л ь е в н а (*открывает тетрадь и читает вслух*).

Старые, больные чувства
Тешит запах хризантем;

А печали без названья
Тешит чёрный виноград;

Но, когда виски седеют,
Утешает только песнь.

Х а р и т о н . Перевод Анны Ахматовой?

В е р а В а с и л ь е в н а кивает.

Спасибо, мам. Предполагаю, что Кашехлебов тебя тоже тихо, тайно любит в своем дневнике.

В е р а В а с и л ь е в н а . Старуха я уже. Но глубинно-платонически, в дневнике, в дневниковой песне, никто мне не запретит любить его. И никогда ему своей любовью не помешаю.

Пауза.

Мы же с тобой про Олесю забыли. Зови её.

Х а р и т о н уходит в свою комнату. Появляется вместе с грязновато-помято одетой в больничную одежду Олесею.

О л е с я . Здравствуйте, мама Харитона. Я Волгина Олеся, волжанка. У вас такое хорошее лицо.

Пауза.

И такой дымный город. Говорят, тут всякое страшное оружие делают?..

Х а р и т о н . Сейчас уже меньше. С падением советской власти эти заводы, слава богу, разваливаются.

Пауза.

Мама, ты свидетельница того, что я никогда никого не любил так, чтобы привести к тебе за руку домой. Но как увидел эту грязную спящую рожицу с детским, открытым, как у птенца, ртом на каменном вокзальном полу, в душе так необыкновенно посветлело... Мам, почему ты не радуешься за меня?

В е р а В а с и л ь е в н а (обнимает Олесю). Я радуюсь. Олесюшка, если Харитоша тебя полюбил, то и мы все тебя любим. И Стёпа, и Ариша, и Кашехлебов, и его жена Надя.

О л е с я . Это всё так не случайно в моей жизни. Мне ведь больше ничего и не нужно, кроме капли человеческой любви, тепла. Но капли постоянной, не высыхающей. Так говорила и моя покойная мама.

В е р а В а с и л ь е в н а . Расскажи про маму.

О л е с я . Ей нравился лиловый цвет, а ещё бородинский хлеб, с зёрнышками, и плесневелый сыр-рокфор. Она всё жаловалась мне на своего давнего друга Сандро. Сандро богатый человек и знал, что маме хочется бородинского хлеба и сыра-рокфор. Почему он ни разу не принёс ей немного этого хлеба и сыра? Даже я его просила об этом. Сколько раз слышала, как Сандро говорил маме: мне нравится, что ты произносишь не красивей, а красивее, что у тебя лиловые чулки, но, впрочем, всего этого могло бы и не быть. У Сандро белый мерседес, но, скорее всего, не он мой отец. Я на него не сержусь: его тоже когда-то лечили инсулиновыми шоками.

Х а р и т о н . А когда умерла мама?

О л е с я . В прошлом году, от рака лёгкого. Ей было всего сорок семь лет. Курила ужасно. Я тогда решила нашу большую квартиру в старом доме с высокими лепными потолками продать и купить себе маленькую, однокомнатную, а оставшиеся деньги положить в банк и учиться на них на медсестру.

В е р а В а с и л ь е в н а . Ну и как?

О л е с я . Квартиру продала, а деньги положить в банк не успела. Бандит лохматый их тут же у меня в переулке отобрал. Весь пакет. Он даже удивился. Ты, говорит, чего же не кричишь? Ах, да, ты же психанутенькая! Меня моя участковая психиатр, Жирмунская, так тогда ругала, что с ней не посоветуешь.

товалась, как эту куплю-продажу совершить, чтобы мне пакет с деньгами не носить. В психушку меня положила, потому что я всё время ревела, что жить мне теперь негде и есть нечего. Я в психушке несколько дней пожила и убежала оттуда. Села в какой-то поезд, проспала в тамбуре ночь, а наутро меня, безбилетную, здесь высадили. С месяц на вокзале пожила, милостыней кормилась. Но там даже телевизор есть. Правда, под потолком. Шея устала смотреть.

В е р а В а с и л ь е в н а (*берёт Олесю за руку*). Пойдем, девочка, в ванную, а потом я тебе своё молодое платье дам, светлое, с клубничинами, правда, уже потускневшими за столько лет.

О л е с я . Я люблю клубничины. Это всё, всё не случайно для меня. Господи, за что мне всё это прекрасное посылается?

В е р а В а с и л ь е в н а и О л е с я уходят. Х а р и т о н уносит на кухню оставленные на полу хозяйственные сумки с пакетами крупы и макарон. Тут же возвращается, садится за стол, рассматривает цветы в букете. Входит С т е п а н с толстой тетрадью в руке и присаживается за стол к Харитону.

С т е п а н . Город наш, понятно, грязен, неуютен, без своего лица, с маслянистым от заводов воздухом... Но зато у нас какой дар от советской власти, от психоневрологического диспансера, от старенькой нашей участковой Маргаритки!

Х а р и т о н . Какой дар?

С т е п а н . А наша просторная квартира? А закон, по которому, как страдающие хроническим душевным заболеванием, нуждаемся в дополнительной и изолированной жилплощади?

Х а р и т о н . Ах, да! У советской власти всё-таки были заботливо-человечные законы. Если бы люди, в большинстве своем, были честными, добросовестными, сознательными, благородными, - конечно, был бы уже настоящий коммунизм на всей Земле. Но это утопия. Реально существует не всеобщая Сознательность, а человеческая природа, которая несет в себе предрасположенность и к добру, и ко злу. А, главное, - предрасположенность большинства к способности по-детски ве-

рить в то, во что хочется верить, и не верить в то, во что не хочется, не переживать страдания других людей, благополучно вытесняя это из сознания, по Фрейдю. Люди смотрят всякие документальные кровавые убийства на экране телевизора, голодающих детей - и одновременно вкусно ужинают.

Степан (*разглядывает акварели на стенах*). Я всё глубже вхожу душой в эти пейзажи Кашехлебова. Ведь в них есть то, о чем ты сейчас так ясно сказал: и добрые березы, и злые вороны. Добро и Зло существуют во всей Природе, но механизм вытеснения - только в человечестве. Как хорошо, что можно еще уединиться в нашей Городской библиотеке, посмотреть там альбомы художников, писать, читать в пустом зале. А потом придет со своим дневником кто-нибудь из наших или явится какая-нибудь еще живая одухотворенная старушка-пенсионерка в металлических очках и тоже с тетрадкой.

Харитон. Всё любишь Нину Чавчавадзе?

Степан. Люблю, конечно. Но такую, какой она была уже после смерти Грибоедова, когда написала на его надгробии: зачем тебя пережила любовь моя.

Харитон. Так она продолжала любить Грибоедова после его смерти.

Степан. Да, верно, но я люблю ее, а Грибоедова уже нет в живых, и я ему не соперник, то есть имею теперь моральное, духовное право любить про себя Нину.

Харитон. Всё время думаешь о ней?

Степан. Вижу, чувствую её, как живую. Забочусь о ней.

Харитон. Как же ты о ней заботишься?

Степан. Всё, что могу, читаю о ней и переписываю в свой дневник. Записываю туда, конечно, и свои переживания о ней тоже. У нее черные волосы и очень белая кожа - такая нежная, если притронуться.

Харитон. Ты Аришу так полюбить не сможешь?

Степан. Нашу Аришу? Тогда же нужно где-то деньги зарабатывать, чтобы подарки ей делать. Сумку её в музей придется держать. Я иначе не могу. И у меня от этих земных забот

всё вдохновение в душе погаснет, в дневник нечего будет записать, черная безысходность навалится. Я Арише больше живого добра принесу при моей духовной свободе. Я ведь люблю её, но не так, чтобы...

Х а р и т о н . А я вот, кажется, влюбился так, что депрессия почти отпустила. Такой волшебный свет в душе...

Входит заплаканная А р и н а , садится в кресло лицом к зрителям.

Сегодня утром рассматривал в Городской библиотеке в альбоме картин Эдварда Мунка - как он лечился художественным изображением своего страха. Тоже хочу так попробовать. Кашехлебов обещал поучить нас живописи, как вернется. Потом я зашел на вокзал и увидел там на полу Олесю.

А р и н а . Стёпушка, ты мне не родной брат, а двоюродный, кузен. Потому меня к тебе и тянет так сильно. В Англии в Викторианскую эпоху даже было принято жениться на кухнях. Дарвин женился на своей кухне Эмме Веджвуд. Она так ухаживала за ним в его ипохондриях. И с тобою это часто бывает. Ты со своей ипохондрией всегда ко мне приходишь.

Х а р и т о н (*рассматривает цветы в букете*). Здравст-
вуй, моя милая, нежная Лесная Герань.

Входит Н а д я .

Не сердись на Стёпу, что сорвал тебя вчера вечером возле ларька с мюнхенским пивом. Ты была вчера запыленная, уставшая, но сегодня посвежела.

Н а д я . У меня тля поела все цветы в горшках на подоконнике.

С т е п а н (*Наде*). Я тебе, Надюша, принесу коробочку с божьими коровками. Ты их на тлей выпустишь - и цветы спасены.

Н а д я . Правда? Откуда ты знаешь?

Х а р и т о н . Он это в библиотеке у профессора Пла-
вильщикова прочел и в дневник выписал.

Н а д я . У, какие вы все профессора! Ариша, у вас есть горох? Свинину поставила варить, а гороху нет. Кашехлебов

мой из Америки должен прилететь. Надо же его подкормить.

Х а р и т о н . Кашехлебов и наш тоже.

Н а д я . Ваш, ваш. Такой же психанутенький, как все вы тут. Что ж не отговорили его почку продавать?

С т е п а н . Бесполезно: Кашехлебов в гипоманиакал въехал. А наступит депрессия, когда будет уже без почки, - вот тогда совсем с ума сойдет, несчастный.

Н а д я (Арине). Ты бы, Ариша, могла его отговорить. Он только о своей любви к тебе мне дома и рассказывает. Даже в постели.

С т е п а н (Наде). Да будет тебе финтить, Фитюля! В душе, небось, уже видишь свою розовую дачу, с колоннами. Как у новых русских.

Х а р и т о н . Всё, матушка! Ужасное уже совершилось. Снаружи ничего не заметно, а внутри целой почки нет. И это же не нога, а почка, волшебная лаборатория организма...

С т е п а н . А в прежнем своем гипоманиакале Кашехлебов, помните, на улицах нищим деньги раздавал? И мучился, плакал, если какому-то нищему не хватило.

Н а д я . Теперь все денежки у меня. На Америку - это ему брат выслал.

А р и н а (плачет). Я Стёпу люблю. (Наде). И вообще - будет ещё меня потом твой Кашехлебов Фитюлей звать, как тебя.

Н а д я . Гороху бы мне. А где Вера Васильевна?

Х а р и т о н . А я на вокзале Олесю нашел, волжанку. Никогда её раньше не встречал и вдруг полюбил с первого взгляда. На каменном полу спала, милостыней кормилась. Мама её в ванную повела, а потом покормит на кухне моим праздничным.

Н а д я (смеется). Пополнение в домашнем дурдоме. Ну вы даете!

А р и н а (отрешенно). Отсыплю, отсыплю тебе гороха. Просто как-то не получается для этого встать. Это не лень, а как-то по-особенному не получается.

Х а р и т о н (Наде, с хитрецей). А скажи, Фитюля, тебе

духовно созвучнее Клод Моне или Сезанн?

Н а д я . Чего? Ну вас! Мне горох созвучнее.

А р и н а . Сейчас, сейчас. Даже наша участковая-околоточная Маргаритка предписала мне выйти замуж для лечения моей депрессии. Она прекрасно понимает, что я по своей тонкой хрупкой форме шизофрении к беспорядочным связям с мужчинами не способна.

Н а д я . Не способна, не способна. Скажи, что мне за горохом попозже придти? У меня свинина варится. Для Кашехлебова. А он наверняка её вам сюда понесет - угощать.

Х а р и т о н . Что горох, Наденька! Съедим - и будто его не было. Тебе бы переживания свои, впечатления, размышления в дневник писать! А то будет к старости у тебя в душе пустота.

Н а д я . Как это пустота?

С т е п а н . Ну а что у тебя в душе?

Н а д я . Чувство, что хорошо живу и жила. Вспоминаю и радуюсь. Во дураки чокнутые!

А р и н а . Было всего четверо мужчин в моей жизни, при том пожилых. И всем им нужно было от меня только моё молодое тело! А мне так нужна Стёпина нежность. Только это! (*Кричит истерически*). Мне не нужны никакие страсти-мордасти. От телесной близости никогда ничего я не чувствовала, кроме физической боли. Я потому Кашехлебова и боюсь немножко. Когда он в гипоманиакале, в нем мелькает что-то такое дико-пиратское.

Н а д я . Да, если Кашехлебов на подъеме, держись, женский пол, - ему одной меня тогда не хватает.

Х а р и т о н (*гладит рукой цветок в букете*). Уже зажелтела Пижда. Как быстро! Ну и лето в этом году! Тобою, Пижда, прокладывали когда-то говяжьи туши - от микробов, когда холодильников не было. Где тебя Стёпа сорвал? За универмагом?

А р и н а (*истерически плачет, кричит*). Стёпушка, нам с тобою по тридцать два года! Ты такой неблагодарный! Живешь вместе с нами с самого детства, после смерти родителей.

Не в интернате, а в интеллигентной семье. Больше десяти лет счастья мы уже с тобой безвозвратно потеряли. Столько лет я не крашу губы, чтобы нежно поцеловать тебя, а ты не разрешаешь. Для меня ведь это так ужасно - не красить губы! Неужели тебе не жалко одинокую несчастную женщину! Я тебя прокляну! Я... я напущу на тебя порчу!

Х а р и т о н (всё рассматривает цветы в букете). А ты как себя здесь чувствуешь, голубенький Мышиный Горошек?

С т е п а н . Конечно, виноват я перед тобой, перед всеми вами, Ариша. Каши ем, супы. Ведь вы с мамой всё это варили... Но если вы меня прогоните, я же погибну.

Пауза.

А впрочем, я сам уйду. *(Встает со стула, кричит в раздражении.)* Уйду! Уеду куда-нибудь! Попрошусь в интернат, в психушку к хроникам, буду в ведрах обеда по больничному двору носить, тяжелым больным вслух читать...

А р и н а (беспомощно плачет, протягивая руки к Степану). Стёпушка, милый, прости меня, я же безумная неблагодарная тварь.

Н а д я (Степану). Совсем сбрендил. Ты же прописан здесь по закону. У тебя своя комната.

С т е п а н . Разве юридические законы правят моей душой и жизнью?

А р и н а . Прости, Стёпушка! Ну, подойди ко мне, мой дорогой, подойди, пожалей меня!

С т е п а н подходит к Арине, гладит ее по голове. *А р и н а* хватает его руку и целует. *С т е п а н* тихо, мягко отходит в сторону.

Н а д я (Арине). А если тебе страсти-мордасти не нужны, то муж-то зачем?

А р и н а . Чтобы обнять его, чтобы нам с ним, старея вместе, нежно беречь друг друга, чтобы прижаться к нему ночью и душевно согреться. Чтобы говорил мне всякое ласковое.

Н а д я (прыскает). Ну, дурдом, психушка! Я тут с вами сама помешаюсь умом. Вы и так друг друга опекаете, оберегаете вместе с моим Кашехлебовым. Зачем замуж-то?

А р и н а . Чтобы был у меня ещё мой единственный. Я подробно расспрашивала Маргаритку, могу ли замуж выйти, если у меня совсем сил нет. Ребенка, наверно, не смогу ни родить, ни выкормить. А Маргаритка мне говорит: ребенка не нужно, потому что ты нашими лекарствами насквозь отравлена, а спрятаться за крепкую спину хорошо бы. Только нужен тебе не Стёпа, а здоровенький примитивный жалостливый работяга, чтобы он твоими красивыми странностями гипнотизировался и боготворил тебя. А я к Стёпе хочу! (*Плачет.*)

С т е п а н (*Арине*). Я уже говорил: мне хорошо с Ниной. Нет её обид, слез, раздражения. А если я буду твой духовный возлюбленный или муж, и с тобой случится депрессивная истерика, я ведь тогда уже не смогу уйти в свою комнату или в библиотеку, в музей...

Н а д я (*Арине*). Ты слышала, Харитон на вокзале девушку-бомжиху Олесю себе ко дню рождения нашел? И она сейчас в вашей ванне купается.

А р и н а . Какая-нибудь фик-фок на правый бок?

Х а р и т о н . Что ты! Совсем наша. И помощь по хозяйству будет.

Н а д я (*вздыхает*). Ну, дурдом! Прямо, действительно, страшно, что еще заражусь от вас какой-нибудь бактерией помешательства и тоже буду вот так...

Пауза.

Может, тех долларов, что Кашехлебов везет, и на машину хватит, чтоб на дачу-то ездить?

Пауза.

Гороху бы мне!

А р и н а (*Степану*). Харитон на вокзале Олесю нашел... а ты в своей квартире меня не можешь отыскать.

С т е п а н (*Арине*). Помнишь, позавчера, в жару, мы с тобой продавали газеты, и ты не отпускала меня в подземный переход? Жарила-морила под палящим солнцем. Как я измучился! И это было ещё при духовной свободе...

Арина. А я люблю и жару, и ливень. Да, Стёпушка, я бываю грубая, холодная, невнимательная, я знаю, но это так движется моя депрессия. И всё равно я тебя навечно тайно люблю.

Надя. Тайно?

Арина. Потому тайно, что, сколько бы я ни кричала, ни рыдала об этом, всё равно никто никогда не увидит, не представит тот волшебный храм в моей душе, заросший фиолетовыми, оранжевыми цветами, в котором живет мой Стёпушка, и я прихожу к нему туда в гости каждый вечер, как стемнеет.

Надя. И лопаете там овсяную кашу, посыпанную петрушкой.

Арина (Степану). Ты когда-нибудь до смерти любил живую девушку, женщину?

Степан. У меня не было и не будет на это времени. Я читал у Умберто Эко: "Повсюду искал я покоя и в одном лишь месте обрел его - в углу, с книгою".

Арина. Я знаю, что ты можешь любить женщин только из книг, в библиотеке, потому что они не заставляют тебя ходить в магазин, думать-тревожиться, как прокормить ребенка... А я такая ревнивая, что жадно ревную к тебе даже тех женщин, с которыми ты и не знаком.

Харитон. Тут, недалеко от милиции, стог сена. Как на картине Клода Моне, только снегом не присыпан.

Надя. А свинина моя варится, варится...

Харитон (Наде). Пойдем на кухню, поищем горох.

Харитон и Надя уходят.

Арина (бросается к Степану, встает перед ним на колени). Ну хоть один раз нежно обними меня и поцелуй!

Степан (ощупывая свою шею, испуганно меняется в лице). Ариша, кажется вот тут лимфатический узел. Посмотри, ты же четыре месяца на медсестру училась. (Берет ее руку и прикладывает к своей шее.) Вот здесь потрогай. Чувствуешь? У дворника Ермолая белокровие началось с такого узелка, а теперь уже нет Ермолая. Немудрено, конечно, в нашем эколо-

гически грязном городе...

А р и н а *(двумя руками заботливо ощупывает шею Степана)*. Но это тот же крохотный, твердый узелок, что у тебя был уже два года назад. Это от плохого зуба, говорила же тебе.

Пауза.

Я нужна, только когда на тебя ипохондрия находит.

С т е п а н *(переводит своей рукой руку Арины в другое место шеи)*. А вот здесь?

А р и н а *(ощупывает и это место)*. А это просто жилы.

С т е п а н *(обрадованно)*. Правда? Я тебе так благодарен!
(Целует Арину в щеку).

А р и н а . Поцелуй меня как любимую. Не мертвецкими губами, а так, чтобы в них трепетало чувство к женщине.

Пауза.

Боишься?

С т е п а н . Хочешь, пойдем в библиотеку, посмотрим альбомы, читаем?..

А р и н а . Ты уже сейчас не со мной, да? Ты с Ниной Чавчавадзе?..

С т е п а н . Отношения с Ниной напоминают мне, что в прошлом веке тоже каждый год был июль. Мы когда-нибудь умрем, а июль все будет приходить, и будут жить люди, подобные нам, даже через две, три тысячи лет. Ты так чудесно мне помогаешь. Я сейчас попробую тебя поцеловать так, как ты хочешь. Кажется, приходят силы.

А р и н а спешно зажигает свечу на столе. Входят Х а р и т о н и Н а д я .

Х а р и т о н . Наверно, только мама знает, где этот проклятый горох. В хозяйстве у нас, конечно, беспорядок, ералаш, но здесь *(прикладывает руку к сердцу)* по временам стройная симфония, свет великой гармонии, не знакомой здоровым. И ради этого мы вытерпим все депрессии на свете.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На сцене - всё как было в конце первого действия.

Входят Вера Васильевна и Олеся в потертом платье с клубничинами.

Харитон (Олесе). С легким паром! С жареной картошкой и курицей! Вот мы тут, Олеся, все перед тобой. Только Кашехлебов ещё не вернулся из Америки.

Олеся (восторженно). Какие вы все чудесные! (Плавноводит руками вокруг себя.) Я так хорошо чувствую вашу добрую духовную ауру. (Рука останавливается по направлению к Наде.) Только вот здесь как-то не так.

Надя. Это точно. Я соседка и единственная здесь здоровая душа. Даже воспитателем в детском саду работаю. А сейчас жду горох, потому что свинина варится. Они же все - душевнобольные инвалиды второй группы по психоневрологическому диспансеру. Вместе с моим муженьком Кашехлебовым, который болен желанием обо всех них тут заботиться. Но я убеждена, что все вы тут можете как следует работать. Такие кобылы и жеребцы.

Харитон (Олесе). Не сердись на нее. Фитюля немного грубовата, примитивновата, но она добрая.

Степан. Для нас, Фитюленька, наше теплое общение друг с другом, то есть любовь, а также чтение, прогулки, творчество есть пожизненный курс лечения, на который после работы уже не хватает сил. Потому государство...

Арина (с хитрецей). А что думаешь, Наденька, об Эдварде Мунке?

Олеся. Я могу часами рассматривать в альбоме его картину "Страх".

Надя (Олесе). Вот-вот, тебе тут клево будет с ними вместе. А я страдаю жизненным здоровым страданием - у меня на кухне свинина варится без гороха. Что же касается любви, то всем без любви плохо, даже собаке.

Степан. Это не та любовь, Надюша. Я говорю о духовной нежности-заботе, а на это нужно немало времени. В сущ-

ности, наша взаимная тихая любовь здесь, в этой квартире, неразрывна с нашим творчеством.

В е р а В а с и л ь е в н а . Сейчас, сейчас, Надюша, дам тебе гороху.

Х а р и т о н . Ну вот, Олеся, будешь теперь здесь жить вместе с нами. Мы все тоже существуем на инвалидную пенсию. Немного иногда получается подработать - газеты продаем. Каши едим - когда овсяную, когда перловую, когда гречневую.

В е р а В а с и л ь е в н а . Но всегда с покрошенным на нее укропом или петрушкой.

С т е п а н . Я читал в библиотеке в какой-то газете... Француз, нобелевский лауреат по питанию, рекомендует есть только злаки, то есть каши.

Х а р и т о н . Да хорошо живем! Хуже бы не было. Ведь ничего не производим, кроме колбасы. И то - из заграничного мяса.

В е р а В а с и л ь е в н а . Бедная, больная наша Россия! Мы же сидим на трубе, по которой из тела страны идут, идут за границу нефть, газ, лес, алмазы. И от этой торговли за доллары нашей природой, даже нам, инвалидам, перепадает. Но говорят, что труба оскудела уже. Что будет?!

А р и н а (Олесе). А шмотки покупаем поношенные, на вес, в магазине "Секонд хенд".

С т е п а н (шутливо жмурясь). Но зато у нас такая богатая, сложная духовная жизнь!

Х а р и т о н . Олеся сама уже четыре книги Юнга прочитала.

А р и н а . Если б мы с нашими инвалидными книжками жили в Москве или в Петербурге, мы бы там бесплатно всё время в музеях проводили. Мы и в нашу-то Городскую галерею каждый месяц ходим.

В е р а В а с и л ь е в н а . А ещё мы так любим наши бедные городские растения. (Показывает на букет на столе.) Стёпушка собирает за универмагом вот такие милые букеты.

О л е с я . Я люблю простые цветы - Сныть, Лесную Ге-

рань, Пижму, Мышиный Горошек...

Степан. Ну вот, ты совсем наша девушка! А заводского дыма у нас всё меньше: заводы, слава Богу, останавливаются. Хорошо бы вообще всё повернулось-поехало в прошлые века.

Арина. Во Фландрию Брейгеля, например. Я её так люблю! В Россию Пушкина!

Вера Васильевна. Да, мы читаем Тургенева, Толстого, Чехова, а еще старую японскую и корейскую поэзию, Андрея Платонова, Варлама Шаламова, а нынешнее нам не близко. У нас тут по вечерам при свечах такое уютное семейное чтение вслух бывает. Все мы, кроме Нади, пишем дневник про свои переживания, выписываем туда из книг то, что очень созвучно, или всякие мысли о картинах в Городской галерее, в альбомах.

Харитон. У нас в галерее есть подлинный этюд Поленова. Так дышит живой поленовской светлой добротой. Альбом этого не передаст.

Олеся. Я тоже настоящие, живые картины видела в Третьяковке - "Грачи прилетели", "Московский дворик"... И как увидела - поняла: репродукции нам только помогают вспомнить эти живые, излучающие дух картины.

Степан (Олесе). Телевизор нам, как видишь, без надобности. Ещё мы тут все рисуем, пишем рассказы, стихи. Словом, подлинные помешанные.

Надя. Только без меня! Я нормальная! Я за горохом пришла.

Олеся. Подумать только! В России бог знает что творится. Шахтеры на рельсах лежат, учителям, врачам зарплату не дают, кругом ложь, незащищенность от воров, бандитов. Людей ни за что убивают, убирают. А здесь такой духовный, теплый оазис...

Степан. Наш дымный, серый город ещё не так давно был закрытым. Но сейчас воздух почище.

Арина. Олеся, мы тебя уже любим и оставляем с Харитоном.

О л е с я . И я вас всех уже люблю. И так рада, что меня выгнали из поезда в вашем городе. Господи, за что мне всё это прекрасное посылается?

В е р а В а с и л ь е в н а (*Наде*). Пойдем, Надюша, за горохом.

Все расходятся, а О л е с я и Х а р и т о н садятся за стол возле букета.

Х а р и т о н (*рассматривает букет*). Эти цветы росли в пыли, в дыму, а такие чистенькие, яркие. Ромашка просто белоснежная, правда? (*Олесе.*) Ты славная и совсем родная, своя.

О л е с я . Я бы хотела побывать на вашем кладбище, поговорить с вашими ушедшими близкими.

Х а р и т о н . Кладбище недалеко. Мы в конце каждого месяца там бываем, если настроение ничего. Стёпа там слышит внутренним слухом, в голове, стихи своего прадедушки, царского офицера, записывает их в тетрадку и никому не показывает.

Пауза.

Тебе так идет это платье, и мне хорошо, что оно мамино.

О л е с я . Я тебя сразу так полюбила, а поцеловать, чувствую, ни сейчас, ни когда-нибудь - не получится.

Х а р и т о н . У меня тоже такое чувство про себя. Испытываю к тебе нежное духовное тепло, и в нем даже искорки страсти, как крохотные блестящие бабочки на новогодней елке, - но всё это будто в каком-то ином, неземном измерении. Нет земного ощущения естественности своих чувств - и потому представляется смешным и нелепым взять тебя за руку и прикоснуться своими губами к твоим.

О л е с я (*вздыхает*). Я такая же. Когда по временам совсем не чувствуешь себя собою в своих чувствах, жизнь теряет смысл, правда? Я из-за этого однажды чуть с седьмого этажа на асфальт не выбросилась.

Х а р и т о н . Наша участковая Маргаритка никак не может эту деперсонализацию понять. Радуйся, говорит, что голова на плечах, а неестественность чувств - это всё так туманно... Но она жалостливая к нам, христианка. Понимает, что не мо-

жем работать обыкновенно, без вдохновения, как все, - и группы инвалидности нам после смерти папы организовала. А то Ариша раньше четыре раза травилась насмерть, чтоб на свою работу в библиотеку не ходить. Еле откачивали. Но мы стараемся как-то тянуться друг к другу, чтобы разогреться душевно и немножко чувствовать себя собою.

О л е с я . Любовь - это и значит чувствовать себя собою для другого, для тебя...

Пауза.

Меня ещё десять лет назад пьяный Сандро заразил какой-то болезнью, и я заросла там внутри дремучими спайками. Гинеколог в психушке сказала: слава богу, теперь не родишь какую-нибудь лягушку вроде себя. А я бы и не смогла со своей депрессией кормить, воспитывать ребеночка. После этого случая с Сандро, знаешь, совсем перестала чувствовать в себе что-то женское, любовно-чувственное настроение. И сейчас, рядом с тобой, только одной головой всё это знаю.

Х а р и т о н . Мы с Ариной и Стёпой, бывает, подработаем продажей газет к какому-нибудь семейному празднику или просто так - и тогда накупим квасу, сосисок к каше и кутим. А то даже и на какую-нибудь книгу, альбом хватит. У нас есть еще Босх, Федор Васильев, Врубель. Вот посмотришь потом.

О л е с я . Не люблю деньги, потому что из-за них есть богатые и бедные. Я сама вчера ещё нищенкой была. А ты в Бога веруешь?

Х а р и т о н . Искренне не получается.

О л е с я . Я, кажется, верую. И крестилась недавно. В психушку священник приходил. Но тоже больше верую в Добро, нежели в библейские символы. Впрочем, всё чаще всё-таки чувствую я Великую Неслучайность. Будто кто-то меня незаметно как бы ведет по жизни и вот сюда через тебя привел. Всё время, однако, что-то перебивает мою веру. Вот маму отпевали в церкви на берегу Волги, а батюшка такой сытый, с таким большим животом... Сандро даже в церковь не пришел. Сразу исчез на своем мерседесе.

Пауза.

А бесплатного одухотворенного психотерапевта в вашем диспансере нет?

Х а р и т о н . Наши психотерапевты платные. Они только кодируют от всех на свете болезней. Рассказывали мне: пускают из ампулы какую-то струйку в горло и от нее весь рот снегом наполняется, и тогда как крикнет: "Нет страхов! Здоров!" Код, значит, вложил, и всё, лечебный сеанс окончен, а плата - шесть наших пенсий.

Пауза.

Мы сами себе, друг другу психотерапевтами сделались. Лечимся духовной культурой, теплой заботой друг о друге.

Пауза.

А вот обнять и поцеловать тебя всё не могу. А ты?

О л е с я . Иногда у меня этот душевный наркоз рассасывается и бывают приливы живой любовной страсти, даже ночью, но редко и лишь на мгновение. И я знаю, что если бы даже в это время...

Пауза.

Или только получилось бы поцеловать всей душой. Но хоть это...

Пауза.

Мы, депрессивные женщины, так часто воем, жалуемся, что одиноки, без семьи, мужчины внимания не обращают, а как доходит до естественнейшей для всего человечества интимной близости, то воспринимаем это с жутким страданием, как какое-то надругательство над собою, совсем не так, как в эротических фильмах. Не у всех наших так, но у меня это всегда было. Не только с пьяным Сандро. Я в психушке познакомилась с таким огненным, сильным эпилептиком, а потом с одним маниакальным музыкантом, - и с ними тоже от близости ничего не чувствовала, кроме физического и нравственного оскорбления, обиды. Почему так? Мне даже не хочется этого больше пробовать, а хочется душевной нежности, тепла, муж-

ской защищенности. А у тебя как?

Х а р и т о н . Кажется, так же. И у Стёпы, сколько знаю, тоже. Стёпе даже видится в этом что-то закономерное, космологическое, будто так и должно быть для высших духовных, космических переживаний, недоступных здоровым. Стёпа очень талантлив, может быть - гениален.

О л е с я . Какой ты чудесный! Так свободно, уютно, смело дышится в вашем доме.

Пауза.

Харитоша, я благодарна тебе, что ты подобрал меня на вокзале и привел сюда.

Х а р и т о н . И мне так хорошо, что это случилось, а вот прикоснуться к тебе всё не могу.

О л е с я . Что же нам делать?

Х а р и т о н . У меня в голове снова глухая пробка. Силюсь подумать что-то, а умозаключение никак не складывается. Вот, кажется, ещё одно усилие - и родится, родится мысль.

Пауза.

Хочешь, покажу тебе свою серебряную чайную ложечку, с пробой? Я ел этой ложечкой в детстве. И сейчас ем только ею. Я часто читаю свою детскую книжку - пушкинскую сказку о мертвой царевне и семи богатырях. Ещё купаюсь в ванне с резиновым ёжиком своего детства, мама сохранила.

О л е с я . А я в детстве так не хотела вырасти, так боялась взрослой жизни, хотелось маминой защищенности, хотя и жили бедно... Много у нас с тобою общего, созвучного! Я всю жизнь спала со своей маленькой куклой Наташкой в рваном платьице. С ней мне было не так страшно. В психушке Наташку украли.

Х а р и т о н . Как жалко!

Пауза.

В юности я попросился грузчиком на кондитерскую фабрику, потому что в детстве очень любил конфеты. Меня там рабочие даже били за то, что не пил с ними коньяк, ликер, предназна-

ченные для конфет и тортов.

Пауза.

Показать тебе мою ложечку?

О л е с я . Давай ещё посидим вот так, рядом. Я буду нежно смотреть на тебя, а ты на меня.

Молча смотрят друг на друга.

Х а р и т о н (*оживившись*). Слушай, дочь Болота! Нао никогда не вернётся к своему племени, если не сможет добыть Огонь.

О л е с я (*удивленно*). Ты читал эту французскую повесть о первобытных людях?

Х а р и т о н . Моя любимая детская книга.

О л е с я (*оживляясь всё более*). Нао найдёт смерть на дне пропасти, утонет в реке, будет съеден гиенами или вернется победителем и принесет Гаммле ракушки, синие камни, зубы мамонта и рога зубра!

Х а р и т о н и О л е с я восхищенно смотрят друг на друга, тянутся друг к другу, обнимаются, целуются.

О л е с я (*между поцелуями*). У вас всё-таки заводского дыма побольше, чем в Самаре или Саратове. Дым перемешивается с облаками в зловещее сизо-лиловое месиво, и оно травит людей и природу.

Входит, покачиваясь, расставляя руки, чтобы не упасть, А р и н а с книгой в руке.

А р и н а (*отрешенно смотрит на целующихся*). Целуетесь? Как будто бы даже с искренним чувством. Вот счастливички! (*Опускается в кресло лицом к зрителям, пытается читать*.)

Х а р и т о н . Я опять ничего не чувствую.

О л е с я . И у меня живая естественность прошла. Могу теперь только играть чувство, как актёрка. Но, в то же время, Харитон, ещё острее боюсь потерять тебя.

Х а р и т о н . У меня сейчас, в эти секунды, такое вол-

шѣбное просветление в голове произошло и уже прошло.

Входит С т е п а н . Смотрит на обнявшихся Харитона и Олесю.

С т е п а н . Время праздновать счастливый день рождения.

А р и н а *(всѣ пытается в кресле читать книгу и плачет)*. Не могу-у-у! Наглоталась этих проклятых таблеток - и всё теперь в тумане. Не пойму, откуда этот какой-то дядя Казимир в романе взялся... Как будто его раньше не было. *(Перелистывает несколько страниц назад, разыскивая там Казимира.)* Когда он пришел? Кто он? Опять запуталась в этом лекарственном тумане. *(Плачет.)* А все от того, что годы идут, губы не крашу, а от Стёпы никакой нежности не происходит! *(Рыдает.)*

Х а р и т о н и О л е с я уже не обнимаются. Х а р и т о н что-то тихо рассказывает Олесе о цветах в букете. Входят В е р а В а с и л ь е в н а и Н а д я с пакетом гороха. В е р а В а с и л ь е в н а тихо гладит, успокаивает Арину. Н а д я уходит и вскоре возвращается без гороха.

Н а д я *(Арине)*. Ну что ты реवेशь, как корова! Кашехлебов мне всё толкует, что у тебя коленки какие-то волшебнопрозрачно-соблазнительные, а они у тебя красные и квадратные.

А р и н а . Это только когда плачу. И вообще в тебе, Надя, нет ни поэзии, ни психологии, ни философии. Одна банальная глупость, грубость, ну и ещё, конечно, доброта. *(Плачет.)* Никто из мужчин никогда по-настоящему, по-мужски, не интересовался моей душой, а только... *(Безутешно рыдает.)*

Х а р и т о н . Посмотри, Надежда, как прекрасен Тысячелистник вблизи каждым своим крохотным белым цветочком. Какая гармония, волшебство бесконечных миров в том самом обычном, на что наступаем, не думая!.. А если ещё Незабудка...

Н а д я . Дурачишки вы все чокнутые. Природа - она и есть природа. Цветок - он и есть цветок.

Пауза.

Не пойму всё-таки - почему, почему такие кобылы и жеребцы слоняются по большой квартире, где дали им каждому, каждой по комнате, слоняются, цепляя ногой за ногу, и не привлекаются к работе? Почему бесплатно в музей ходят?.. Я в детском саду среди малышиного гвалта...

Степан. А потому о нас так позаботились, Надюша, что если мы какую-то нетворческую, механическую работу делаем, которая нас не вдохновляет, и если нас никто не любит или просто времени нет нас любить, - то углубляется в нас наша депрессия с деперсонализацией и тогда нам жить не хочется. А то и восстание на городской площади поднимем. Поняла?

Надя. Поняла, что ремня вам всем надо всыпать - тогда и работать станете, и для безобразий времени поуменьшится. Вон Кашехлебов иногда, по настроению, горы свернуть может, да только вам, любимым, почти всё заработанное приносит, будто жены у него нет, а только, в самом деле, фитюля какая.

Олеся. Проклятая душевная напряженность-вялость! Я думала, она уже никогда не ослабеет во мне, но вот с вами мне полегче.

Надя. Родственные души. Вписалась.

Степан. Кашехлебов только по временам в гипоманиях въезжает, но деперсонализации у него как будто бы нет.

Надя. Ишь, профессорё какое! Вам лекции в лекториях, в университетах читать. И что же есть такое эта ваша персональ?

Харитон. Деперсонализация, Фитюленька, - это чувство тягостной измененности своего эмоционального "Я". Состояние, по содержанию своему противоположное идентификации, поняла? Словом, наша жизнь не просто радость, а лечение от горя. Лечение творчеством, общением с природой, заботой друг о друге.

Степан (Наде). Но любое творчество есть общественно-полезное дело, понимаешь?

Надя. Не понимаю. Вот объясните, в самом деле, в чем польза от вашего тут существования?

Степан. Как-нибудь потом объясню. У меня это ещё со всей отчетливостью не сложилось в голове.

Вера Васильевна. Мне Маргаритка сказала, что я самая душевно здоровая в нашей семье. Всего-навсего депрессивная вялая истеричка. А квартиру просторную эту, Олесенька, нам дали девять лет назад, по диспансерному лимиту, когда папа наш, ветеринарный доктор, в депрессии выбросился из окна коммуналки и Ариша уж в который раз лекарств наглоталась, чтоб не жить. Вот тогда в диспансере напугались - и такие хоромы нам.

Харитон. Помешательство наше, Надюша, ещё в том, что не удивляемся всякому такому, чему удивляются нормальные люди, и вообще чувствуем, думаем, поступаем не так, как они.

Надя. Известное дело. Днем свечи жгёте, как в церкви. Не могу спокойно смотреть. (*Задувает свечу.*)

Степан. Мы сложнее, глубже, лучше здоровых в духовном отношении. Пусть мы беспомощны, несостоятельны в практической жизни, но духовно мы здоровее здоровых и, в том числе, тебя, Надежда. Ты можешь спокойно обедать, разглядывая на экране телевизора голодающих, а мы не можем. У нас поэтому и телевизора нет.

Надя. В бога, что ли, веруете?

Олесья. Поклоняемся не телу, а духу. Размышляем о добре и зле, о совести и безнравственности, о смысле жизни. И стараемся любить друг друга.

Надя. Это как Харитон тебя полюбил и с вокзала, немытую, нечесанную, домой к мамке в ванну привел? Станешь теперь тут со всеми теплую кашу с петрушкой есть...

Пауза.

То ли дело - соседка Танька Ветрова! Я с ней когда-то ещё в школе училась. Разбогатела в своей фирме, машину купила - крохотную вишневую иномарку и называет ее "моя девочка". Просыпаюсь, говорит, и думаю: как там в гараже моя девочка? Надо пойти приласкать ее. Вот это я понимаю - новая жизнь.

Степан. Пора, пора уже как следует садиться за стол! Кашехлебов подьедет.

Начинают рассаживаться за столом. Харитон и Степан исчезают и вскоре появляются с тарелками, чашками, кастрюлей каши, блюдом зелени, бутылками кваса. Расставляют все это на столе.

Арина (*немного успокоилась*). Олеся, Расскажи, как из психушки убежала.

Олеся. Страшно вдруг стало обшарпанных стен в наблюдательной палате, решеток, голых теток, в психозе бегавших друг за другом, злую-презлую санитарку, которая была нас железным ключом по голове. Вот ночью и попросила проводить меня в туалет и вылезла там через фрамугу на волю.

Степан и Харитон разливают в чашки квас.

Арина. Я в таком отделении лишь два дня вытерпела. Притворилась такой здоровой тихоней, что на третий день меня маме отдали. Теперь готова эти противные лекарства дома глотать, только не там и только не уколы.

Пауза.

Квас всем налили? Погодите есть.

Арина встает, складывает руки для молитвы. То же самое делает Олеся. Все остальные тоже встают. Арина и Олеся читают вслух молитву "Отче наш", потом крестят стол и всех в комнате. Все садятся.

Вера Васильевна. Да, легче всего нагрузить человека лекарствами, чтобы ни депрессии не было, ни страхов, ни души, а только деревянно-механическая жизнь роботаманекена. Небось со своими больными детьми доктора так не поступают, мудрых психотерапевтов им ищут. Я Арише всё время говорю: ты не нужна мне тихая, как чурбан, ты нужна мне живая. Ходи на голове, но живая.

Арина. У нас сегодня на праздник любимая Харитошина гречневая каша, немного творогу и укроп с петрушкой.

Вера Васильевна (*встает*). Милый Харитоша, мы тебя поздравляем! Спасибо тебе, родной, что ты с нами!

Харитон. А вам - что вы со мной.

Н а д я (*задумчиво*). Ну, хорошо, вы будете приезжать к нам на дачу, но дача-то будет всё-таки наша, каше хлебовская.

О л е с я. Мне, конечно, тяжело было в психушке среди совсем безумных голых теток, жестокую санитарку боялась. У нее глаза такие остро злые, как серые гвозди. Но мне и среди здоровых плохо. Все они безликие, сероватые, грубоватые, и при этом либо равнодушные, либо сердитые, авторитарные, все стремятся переделать тебя на свой лад. А вот с вами мне хорошо.

С т е п а н. А я, как меня эти нормальные обидят, вот Надя, к примеру, записываю это происшествие в дневник или в рассказ, анализирую там, иронизирую. У меня в дневнике такое написано душевное переживание, так я там, к примеру, Надю по косточкам разбираю, - и легче становится.

Н а д я. Ну, почитал бы из дневника про меня. (*Смеется.*)

В е р а В а с и л ь е в н а. Нормальные, здоровые люди из серых многоквартирных домов с белыми балконами уже много лет делают на здешних заводах всякое боевое оружие, чтобы им убивали людей во всем мире. Людей, которых они, эти нормальные, никогда в глаза не видели. Мы бы такую работу делать не смогли, совестью замучились, а они сейчас ругаются, ворчат, демонстрации устраивают, что им работы мало, зарплату задерживают.

Х а р и т о н. Большинство так называемых нормальных людей не способно постоянно тревожно смотреть дальше своего носа и острой жалостливостью к несчастным не страдает. Застопорились люди по-детски на том, что оружие делают, чтобы им обороняться от зла, а что такое зло, чем виноват перед ними конкретный солдат вражеской армии - понятия не имеют. Мы со Стёпой в детстве, отрочестве тоже немного такими были, на инженеров-оружейников здесь учились и, недоучившись, ушли, осознав со всей горькой остротой, чем заниматься придется.

А р и н а. Мама наша, Олесенька, два высших образования имеет - философское и биологическое. И то, о чем мама

только что сказала, они ещё двадцать лет назад вслух при нас с папой обсуждали. А потом мама объяснила это на уроке школьникам.

Х а р и т о н . За что была отправлена из школы в родной психоневрологический диспансер за второй группой инвалидности и запретом работать по специальности.

В е р а В а с и л ь е в н а (*машет рукой*). Дела давно минувших дней.

Н а д я . Да что ж нам, безоружным, к американцам в слуги идти?

А р и н а . Конечно, всё сложно запутано в мире. Вспомним "Бородино" Лермонтова, "Полтаву" Пушкина, взятие Берлина. И тогда было убито так много ни в чем не виноватых людей, вовсе не бандитов. Бандитов, врагов-садистов, кажется, я бы своей рукой расстреливала, но ведь для этого нужно иметь в руке оружие.

Х а р и т о н . Это тебе только так в раздражении кажется, что расстреливала бы, а на самом деле не смогла бы или замучилась совестью, убив человека.

А р и н а . Может быть. Но прекрасны люди, защищающие нас от бандитов. Я только хочу сказать, что и оружейники нужны, и милиционеры с оружием, и мясники-палачи коров на мясокомбинате для колбасы и котлет, а не только ветеринарные и человеческие врачи. Вообще это все какие-то неправильные, больные вопросы. А я хочу быть здоровой, как большинство людей. Пусть скучной, но здоровой. Не хочу мучиться...

Х а р и т о н . Да, любые ответы на эти вопросы не проясняют жизнь, а только порождают растерянность. Просто мы сами милиционерами, мясниками, оружейниками быть не можем, потому что и без того нервные, больные страхами, тревогой, неясным и ясным чувством вины. Потому что не нужна нам власть, победа над кем-то. Вон даже лихой Кашехлебов сказал тогда в диспансере и Маргаритке, и главному врачу, что завод взорвет, - так ему, химику, тоже сразу вторую группу инвалидности сделали, свободным плотником стал, чтоб кон-

фетами и яблоками нас угощать. Так сказать, для каждого своё, и все по-своему нужны.

О л е с я (*восторженно*). Боже мой, я вас как будто всегда знала. Какие вы мне милые, родные!

Н а д я (*смеется*). Кроме меня, кроме меня. (*Олесе.*) Нашла, нашла своих. Втерлась в семью. Ну, дурдом! (*Смеется.*)

С т е п а н . Нормальным мы не нужны. И бог с ними, с этими здоровенькими посредственностями.

А р и н а . Вчера смотрели с Харитоном фотографии наших дедов и бабушек. (*Рассматривает свои руки.*) И у меня такие же руки, как у бабушки Наташи, с такими же ямочками. Боже мой, они же все были, жили своими горестями и радостями. И было деревянное крылечко, на котором сидела прабабушка Вера, и одуванчик возле ступеньки. И ещё всякое другое там, на фотографии, сохранилось. Как горько-сладко всё это думать-чувствовать! Во мне моя бабушка Наташа и прабабушка Вера, а от меня уже никто не родится и не будет у меня правнучки, и она не будет сравнивать свои руки с моими. Никто уже от меня не родится, и это лучше, чем родился бы. Ещё пуще меня мучился бы. Всё, мой круг вырождения замкнулся.

Х а р и т о н . А папа наш в молодости на фотографии с кудрявой бородой и обнимает корову. В подробностях вспоминаю, как показывал нам в деревне, где мы жили когда-то, цветы, травы, насекомых, птиц, рассказывал о них.

Пауза.

И вот его уже девять лет нет, а той коровы и подавно.

В е р а В а с и л ь е в н а . Очень тяжелые у него были депрессии.

Н а д я . А может, долларов и на маленькую машину останется. Я бы тоже любила её как дочку. И так хорошо научилась бы ею управлять.

О л е с я . Но ведь мы, в самом деле, лучше, одухотвореннее, глубже нормальных! Почему же у них будут потомки, а у нас нет? Харитон и Арина родились от нервных родителей, а

мы...

А р и н а (*перебивая, кричит в истерике*). А кто сказал, что мы не можем родить прекрасных детей? Мне в психушке больные говорили: ты не психуешь, а нервничаешь, то есть я не сумасшедшая, я просто нервная, почти здоровая, и я могла бы родить, ну, немножко нервного ребенка, но зато такого же творческого, как все мы тут. А может быть, и гения родила бы. Стёпушка, если бы ты был решительнее! Ведь ты сам говоришь, что не бывает здоровых гениев. Сколько лет семейного счастья мы потеряли с тобой! Любая проститутка в личном плане счастливее меня: ей мужчины дарили что-то, говорили, что любят. (*Степану*) А тебе я нужна, чтобы тебя только в твоих ипохондриях утешать! Мне тридцать два года, а вспомнить-то женского нечего! Ничего же и не было! У других женщин мужчины исчисляются десятками, а у меня только четверо пожилых, и с ними это было всего семь раз за всю жизнь. И что было?! Одна физическая боль. (*Безутешно рыдает.*) Почему, почему ко мне не подходят мужчины?!!

В е р а В а с и л ь е в н а (*пытается её обнять*). Ну, понесло. Аришенька, ты же сама говоришь, что только больно.

А р и н а . Но зато бы всё как у людей! Я хочу, чтоб у меня было всё, как у всех, у большинства. Не нужно мне никакой яркой индивидуальности. Хочу быть, как Надя.

Н а д я . Во, молодец!

Х а р и т о н . Ариша, да что нам до этих нормальных людей! Нам надо искать что-то своё, то, что для нас, свою духовную и свою интимную, нежную радость.

А р и н а . Вот ты свою радость-Олесю нашел, а я?.. Почему, почему ко мне не подходят мужчины?!

Х а р и т о н . Зачем тебе много мужчин? Просто в тебе, как и в нашей маме, нет этого хищного, плотоядного, холодно-истерического, того, что часто встречается у классических здоровых женщин. Погоди, вот я Олесю нашел, и тебя...

А р и н а (*немного смягчается*). Меня пусть Стёпа найдет. Да, ты прав, сокурсница мне говорила: ты беспомощный ребенок, ты не львица, а крошка. (*Снова неожиданно истерически*

кричит.) И вот ничего в жизни не было! На медсестру недоучилась, выгнали из училища за депрессию! В библиотеке по специальности пробовала работать - так только книги таскала, как грузчик! Надрывалась! В чём, в чём моё предназначение? Ипохондрика Стёпу утешать?!

Степан. Ариша, я же тебя люблю... Ты мне так психотерапевтически помогаешь, что я уже без тебя не могу. Я же, действительно, несчастный ипохондрик. Вот иду по улице и навязчиво-ярко представляю у людей и себя самого под одеждой и кожей желудок, кишки, печень, как работает насос-сердце, как в костном мозгу совершается кроветворение. Никуда не могу от этого деться. Будто на минном поле живу. Постоянно тревожно к себе прислушиваюсь - ведь в любое мгновение может начать расти во мне раковая опухоль или сдвинется поэзия крови и возникнет белокровие. Тогда конец творчеству. *(Пытается утешать, гладить плачущую Арину.)* Ты моя дорогая, любимая сестра...

Арина *(бьется в истерике)*. Опять сестра! В эпоху королевы Виктории было принято выходить замуж за кузенов! Это, между прочим, удобно даже. У нас с тобою одна фамилия - Пирожихины. Всё никак не можешь изменить со мною своей Нине Чавчавадзе!

Вера Васильевна *(Олесе)*. Ничего, это у неё сейчас пройдет.

Арина. Это пройдет вместе с моей жизнью!

Степан *(зажигает свечу, гладит Арину по голове, нежно целует в голову)*. Ты так умеешь сама утешать меня со свечой.

Арина целует руку Степана, прижимает её к своей щеке.

Арина *(успокаивается)*. Ну вот, разве мне так много от тебя нужно! Мой дорогой!

Степан. Аришенька, я ведь не могу жить без творческого одиночества и внутренней свободы. Понимаешь, чтобы я знал, что если включился в моей душе сам собою творческий процесс, то я, как свободный художник, могу уединиться в

своей комнате и могу никого не обнимать в это драгоценное, хрупкое время.

А р и н а . Да, конечно, Нина Чавчавадзе тебя не просит обнимать её. И всё равно я тебя до смерти люблю. Ни в ком больше нет такой нежности, такого ума. *(Ещё раз целует руку Степана и отпускает его, успокоившись.)*

Х а р и т о н . На дворе грязный, дикий капитализм. Когда ещё он станет в России цивилизованным... Люди пинают друг друга, давно уже никто друг о друге не заботится. Слова "войдите в моё положение" вызывают лишь смех. Это, дескать, твои проблемы. Молодые не уступают место в автобусе, троллейбусе пожилым, каждый только за себя. Только здесь в нашем духовном оазисе ещё сохраняется человеческое тепло. Как огонек в плетенке первобытного человека среди холодных дождей.

В е р а В а с и л ь е в н а . Потому что мы только этим теплом, огоньком, любовью и можем жить.

С т е п а н . И нашим творчеством. Мы как бы продолжаем жить в целомудренном, творческом девятнадцатом веке без телевизора с его рекламами, триллерами и эротическими фильмами. Тогда чуть ли не каждый гусар, улан писали стихи, дневник.

А р и н а . Меня тошнит от этих эротических фильмов. Я как-то видела один у Нади, краем глаза. Я всё-таки по-настоящему духовный человек. И мой Стёпушка тоже. *(Целует руку, Степана.)*

О л е с я . Я тоже раньше зажигала свечу - там, где у меня был дом. Смотрела на пламя с маленькой чашкой кофе в руках, проникалась этим вечным огнем, и моя депрессивность с вялостью-напряженностью слабела-тускнела рядом с вечностью огня, мира.

В е р а В а с и л ь е в н а . Теперь, Олесенька, твой дом здесь.

Х а р и т о н . Эротические фильмы... Так анатомировать интимность, тайну... В сущности никакой интимности у этих здоровых чувственников больше и не осталось.

Степан. Тургенев или Александр Дюма-отец, когда о страсти писали, так только - застывший взор и руки дрожат от любви, а тут... (*Машет рукой.*)

Вера Васильевна. Мир спасет не Красота, а наш внутренний застывший болезненный страх, переживание своей неполноценности, объединяющие, связывающие нас и побуждающие помогать друг другу душевным теплом, любовью.

Харитон. Я думаю, этот страх и есть наша человеческая природа, и она подчиняется законам всей Природы. Один из этих законов - лечение тревоги, неуверенности в себе, деперсонализации душевным теплом...

Степан. И творческим изображением своих переживаний.

Харитон. Да, да, а Любовь и Творчество, и Природа вместе это и есть Красота. Но мама права: в основе подлинной Красоты лежит наш застывший болезненный страх. Он и лечится Любовью и Творчеством.

Надя. Ох, и мудрильники же вы все! Но я вас всех вместе с Кашехлебовым всё равно люблю, как свою малышню в детском саду. Детей бог не дал, так хоть вы есть. Только всё равно не пойму, почему вы с вашей ученостью не зарабатываете большие доллары на фирмах, не живете как следует, в своё удовольствие.

Степан. Мы живем, дышим творчеством, а то тоскливая деперсонализуха заест. Только творческий человек выпадает из времени, а все другие старятся и уходят вместе со временем.

Арина. Творчество-Любовь - это Бог, Надюша.

Олеся. Служить возможно либо Богу, либо мамоне.

Степан. Творчество - это вдохновенное высвечивание себя, своей неповторимой личности в чём угодно: в отношении к цветку, человеку, книге, картине, в своем рассказе, стихотворении... И всё это бессмертно, как сказал сейчас Стёпа. Бессмертно, потому что неповторимо. Все остальные разговоры, заботы, поступки - механическая, преходящая суета сует в муравейнике.

О л е с я . Карл Юнг полагал, что неприспособленность художника к практической жизни есть его преимущество, поскольку помогает ему держаться в стороне от протоптанного тракта.

Х а р и т о н (*Наде*). Мы не можем существовать без нашего тепла друг к другу. Понимаешь, что такое душевное тепло, доброта?

Н а д я (*вздыхает*). Да, конечно, это всё хорошо. Но жизнь-то идёт!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Продолжается происходившее во втором действии.

А р и н а . Опять мне сегодня спать одной. В открытое окно снова будут врыватьс я ночные бабочки с толстыми телами. Как я их ненавижу! (Степану.) Всё дорожишь своей драгоценной духовной свободой. А мне много ли от тебя нужно? Только к руке твоей ночью прижаться, чтоб не так страшно. Никакого эротического тела, даже горячих поцелуев в губы мне не нужно, а только тёплая, нежная защищённость. И чтобы Нину Чавчавадзе оставил в покое.

С т е п а н . Плохой я защитник. Я сам жуткий ипохондрический трус. Вот ем кусок хлеба и прислушиваюсь к ощущениям в пищеводе - не труднее ли мне глотать по причине растущей там опухоли. Здоровые умеют не думать о возможных несчастьях, болезнях, а я всё время об этом думаю. По временам острее, вот как сейчас. Только здесь в нашем теплом оазисе, в творчестве как-то отхожу, спасаюсь от этих мыслей.

А р и н а . Вот я и буду с утра, в постели, прижавшись к тебе, защищать-отвлекать тебя от твоих ипохондрий, взбадривать разговорами об искусстве.

Н а д я . Да у вас тут и кроватей таких широких нет.

С т е п а н (встает). Господа! Кашехлебова всё нет и нет. Хочется ещё и ещё выпить за нашего Харитошу.

Входит взлохмаченный К а ш е х л е б о в . Н а д я бросается ему на шею.

К а ш е х л е б о в (обнимает жену). Здравствуй, Фитюля, здравствуй! Здравствуйте, мои дорогие все!

Н а д я . Ну?! Расстался-таки с почкой?

К а ш е х л е б о в . Ещё одна осталась при мне.

С т е п а н (садится). Сколько же стоит в Америке мужская гипоманиакальная почка?

К а ш е х л е б о в (садится за стол на приготовленное для него место, в стороне от Нади). Братан сказал, что у него никогда не было и не будет столько долларов.

Н а д я . Что же ты с ними собираешься делать? Дачу-

коммуналку?

К а ш е х л е б о в . А их уже и нет.

Пауза.

Прилетел я в Москву, из Москвы - сюда. А здесь был ограблен. Четверо остановили автобус, когда ехал из нашего аэропорта, уже у капустных огородов, выволокли меня в лесок, связали и весь пакет зелененьких из сумки вытащили.

Х а р и т о н . Получается, они ждали тебя? Всё знали. Вот штука!

К а ш е х л е б о в . Полежал я, связанный, в Крапиве и в Веронике Дубравной, потом развязался и вот добрался к вам.

Н а д я встает, приподнимает руку и остаётся так стоять, как статуя.

В е р а В а с и л ь е в н а . Господи, Кашехлебушка, да ведь ты живой вернулся! Убить же могли! Радость ты наша!

С т е п а н . Запросто могли. Какое счастье! Кашехлебов из такой переделки вышел живой!

Пауза.

Но ребята, видно, благородные, деликатные. (*Кашехлебову.*) В масках?

К а ш е х л е б о в . В масках, в армейской защитной одежде с зелеными и темными пятнами. Такие интеллигентные, один в очках. Мягко работали, не садисты.

Х а р и т о н (*Кашехлебову*). А я вот Олесю на вокзале нашел, с нами будет жить.

К а ш е х л е б о в (*встает, протягивает Олеся руку*). Очень тебе рад. Кашехлебов, химик и плотник. Гипоманиакал мой уже слабеет, скоро стану тоскливо-грустным, малоразговорчивым, но пока держусь.

О л е с я (*тоже стоя пожимает руку Кашехлебова*). Здесь о тебе всё время так чудесно говорят. И меня недавно ограбили... Мне твои акварельные пейзажи по душе. И сам ты такой светлый, милый.

Х а р и т о н . Заметно всё-таки, что уже немного пригасший. Гипоманиакал вянет.

К а ш е х л е б о в . А у меня двадцать долларей в кармане джинсов спрятались. После того, как с братаном за билеты расплатился. Бандиты о них не догадались. Всем завтра акварельные карандаши куплю, русскую природу рисовать будем, я так соскучился о нашем Лопухе, Пижме. Приятно было лежать, даже связанным, в родной Крапиве, Веронике... Фитюле куплю красные тапочки с пампушками. (*Смотрит на застывшую Надю, и все тоже смотрят.*) О, Фитюля моя вошла в ступор от огорчения. Фитюля! Я же живой вернулся!

С т е п а н . Фитюля, порадуйся с нами!

К а ш е х л е б о в встает, умело подталкивает Надю к выходу, что-то шепчет ей на ухо, и Н а д я механически-отстраненно, как кукла, следует с ним к выходу, и они скрываются.

Х а р и т о н . Я в Америке не был, только смотрел фотографии, читал. Но в тамошней природе без скромных русских цветков из нашего букета, без российского духа, дурного и славного, без нашего тепла задохнулся бы.

С т е п а н . Рассказывают, что цветы там такие же, но ярче, отчетливее.

А р и н а . Воспаленнее, ядовитее. Я видела в кино. Как перекрашенные, искусственные.

Возвращается К а ш е х л е б о в и садится на свое место.

В е р а В а с и л ь е в н а (*Кашехлебову*). Ну и что там в Америке за природа?

К а ш е х л е б о в . Природы, кажется, и вовсе нет. Может быть, в других местах, но в Нью-Йорке... Если деревце попадетсЯ, то листьев на нём или нет или какие-то чахленькие, а вместо листьев лампочки горят, как у нас на новогодней елке. Небоскребы, дворцы, рекламы - всё это, как там у Маяковского: налево посмотришь - мамочка мать, направо - мать моя мамочка. Конечно, Америка богата, удобна, там есть и своя какая-то манерная поэзия во всём. Но не по-нашему там. Утомился от чистоты, от ярких бездушных красок, захотелось скромный мятый, душевный наш окуроч в Гусиной лапчатке нарисовать.

В е р а В а с и л ь е в н а . Представляю себе: все сыты, нарядно одеты, но нет душевного тепла. Капитализм, даже развитой, морально жесток к слабым. И на свободном рынке свободно продается и добро, и зло.

К а ш е х л е б о в . Именно так. Но, Веруша, в американском, как почувствовал я, особенно после этой моей операции, есть своя внутренняя хрустальная юношеская красота, этакое строгое, логическое изящество, но не наше это, не наше, с Россией не соединяется.

Пауза.

Ну, да ладно! Сегодня день рождения Харитона. Прошу наполнить чаши хлебным квасом. Фитюля скоро придет в себя и свинину с вареным горохом принесет. А пока, Харитоша, я тебя тоже поздравляю, ура!

Все пьют квас.

Вот у меня еще в джинсах завалялась для тебя очень красная американская ручка. *(Вытаскивает и дарит Харитону.)*

В е р а В а с и л ь е в н а . А это наш общий семейный подарок для продолжения твоего дневника. *(Протягивает Харитону толстую записную книгу в кожаном переплете.)* Теперь мы слушаем твой праздничный рассказ!

Х а р и т о н . Можно лучше прочитаю созвучное мне стихотворение Мандельштама?

В е р а В а с и л ь е в н а . Ладно, пусть созвучное.

Х а р и т о н . Только детские книги читать,
Только детские думы лелеать,
Всё большое далёко развеять,
Из глубокой печали восстать.

Я от жизни смертельно устал,
Ничего от неё не приемлю,
Но люблю мою бедную землю
Оттого, что иной не видал.

Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели,
И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду.

Все тихо хлопают, благодарят Харитона.

В е р а В а с и л ь е в н а . Вдова Пастернака пишет, что у Мандельштама был тяжелый характер.

С т е п а н . Это естественно. Ведь он же наш. Такие стихи могут возникнуть в душе только как самолечение больной души, самопомощь попыткой выяснить, осознать тонкости собственного страдания. Говорят, Мандельштам был тяжелый задиристый человек. Но ведь страдал! Когда осознаёшь содержание тоски и художественными образами превращаешь это содержание в Красоту, открывается целебное вдохновение. Подлинное, высокое творчество - всегда, всегда лечение своего страдания. Назовите хоть одного нормального, не страдающего душой великого художника!

О л е с я . Пушкин.

С т е п а н . Циклоид, как и Гёте.

О л е с я . Лермонтов.

С т е п а н . Шизоид, как и Тютчев.

О л е с я . Баратынский.

С т е п а н . Психастеник, как и Чехов.

О л е с я . Врубель, Чюрленис, Рильке, Кафка, Ницше, Пруст?

С т е п а н . Это все депрессивные, дефензивные, вроде нас.

В е р а В а с и л ь е в н а . А бывает творчество безнравственным, злодейским?

С т е п а н . Это лучше бы называть как-то по-другому. Самобытно выражать себя, конечно, может и Мефистофель, и просто бандит...

В е р а В а с и л ь е в н а . Мне вот Достоевский неприятен своей грязноватой гениальностью.

К а ш е х л е б о в . И мне противно его читать, но психо-

лог глубочайший, въедливый. Он, конечно, психолог себя самого.

С т е п а н . Достоевский - эпилептик, но есть ведь и благородные эпилептики... Тот же князь Мышкин, который был одной его гранью.

К а ш е х л е б о в . В самолете в Америку, над Гренландией, над Канадой, я почему-то перечитывал Достоевского - "Сон смешного человека" и "Скверный анекдот". И думал: ведь этот приторный Смешной человек и генерал Иван Ильич, как и Раскольников, - это же сам Достоевский. Конечно, своей гениальной эпилептической сложностью-многогранностью он видел-осуждал собственную садистически-безнравственную напряженность дурных влечений и ломался великим гуманистом, воспевая безликую любовь ко всем. Да, гений и злодейство совместимы, но гений может быть очень добрым, очень злым или вперемешку, как Лев Толстой, но никаким, безликим не может он быть. Никакая - лишь посредственность, нормальность.

Х а р и т о н . Ох, молодец, Кашехлебушко! Сильное же созвучие здесь у меня с тобой. Кто чувствует по-доброму - тот чувствует. Кто не чувствует, а лишь понимает, тот способен лишь представляться добрым, ломаться, даже если при этом едко-критически рассматривает, критикует себя со стороны.

С т е п а н . Да, невозможно серьезно, реально любить всех, весь мир, как призывает Достоевский. Всех любишь - это никого не любишь. Я вот вас всех тут чувствую, понимаю как родных, созвучных себе и потому люблю. Всё трудное, что могу, для вас сделаю, хотя на такие подвиги, как Кашехлебов, по напряженной вялости своей, к сожалению, не способен. Даже старушку Маргариту люблю, цветы ей приношу. А других нешто я люблю? Нет. Многих даже ненавижу-презираю. Почему должен я любить, например, этого Сандро?

О л е с я . А как же Христос?..

С т е п а н . Христос не от мира сего. Он, как сын Бога, жил и живет в иной, бесплотской плоскости, даже когда ходил по земле. Ну, к примеру, нельзя же представить себе, что Хри-

стос по-мужски влюбился. Земной же человек, даже монах, способен влюбиться, мы знаем....

Пауза.

Харитон прав: если не можешь по силам своим совершать реальное Добро для Человечества, своей страны, то остается нести Добро-Творчество-Любовь немногим самым близким тебе людям. А всех любить - это только истерически воображать что любишь.

А р и н а . Если бы Стёпа был глубоким стариком, может быть, ему легче было бы полюбить меня как молодую женщину. Любая разница в возрасте - совершенные предрассудки. И страсти-мордасти мне никакие не нужны. Стёпушка, ну дай мне ещё хоть каплю твоей нежности. (*Жалобно.*) Ну, попросите его, пожалуйста. Кашехлебов, милый, попроси, а то он тебя боится огорчить, а я ведь только его нежность по-настоящему глубоко чувствую.

К а ш е х л е б о в и все за столом знаками просят Степана подойти к Арине. С т е п а н уступает и снова нежно гладит Арину по волосам, а она целует его руку.

А р и н а . С ума можно сойти от Стёпушкиной нежности! Спасибо, родной. Господи, как же хочется каждодневного живого тепла. Не знаков, не символов, а живого, земного тепла. Я, наверное, всё-таки ненастоящая верующая.

С т е п а н возвращается к своему стулу.

Х а р и т о н (*обнимая Кашехлебова*). Мучаешься ревностью?

К а ш е х л е б о в печально кивает.

А р и н а . Я так сейчас счастлива, Кашехлебов, что и тебя, несчастного, поцелую (*Подходит к Кашехлебову и целует его в щеку*). Я всё никак не привыкну, что у тебя теперь только одна почка. И ведь это ради нас! Ты хотел для всех нас дачу в лесу построить!

К а ш е х л е б о в . Благодарствую, Аринушка. Такой уж я тяпа-растяпа с этой дачей...

О л е с я . Когда на вокзале целый месяц спала в грязи, не раздеваясь, я всё же предчувствовала, что будет, будет у меня что-то светлое, волшебнo-праздничное, настоящее.

С т е п а н . Психиатры во всем мире лечат лишь таблетками и уколами. Даже наша Маргаритка. Чтобы не приставали с этими уколами, психушкой, надо в диспансере изo всех сил притворяться здоровым. На все вопросы четко отвечать: таблетки принимаю, настроение сносное, хожу в магазин за хлебом и картошкой, а остальное время спокойно сплю. Вот. А таблетки горстями какой же дурак будет принимать в таком нашем чудесном одухотворенном, творческом оазисе жизни - в стороне от грязной политики, лжи, бандитов, рядом с Пижмой, Мышиным Горошком, Лесной Геранью, Вероникой Дубравной. Таблетки эти, разноцветные, бесплатные, мы с Харитоном за универмагом закапываем. Такое дорогое для государства добро! Наши целебные отношения, творчество среди нашей природы - это же великая психотерапия, которую не умеют ни психиатры, ни психотерапевты, только мы сами.

А р и н а . Я пьянею с горя от таблеток и не могу делать любимое моё дело - читать. Еле предложение в книге до конца дочитываю, а начала уже не помню. Ох, эти нейрoлeптики, антидепрессанты! С вами плохо, без вас ещё хуже.

Х а р и т о н . А ты их не глотай, постарайся от них отвыкнуть. Сколько раз уж просил тебя об этом! Лучше пострадать, чем химически пьянеть или спать химическим сном. Лечение горстями лекарств врачи придумали не для нервных людей, а для их близких. Чтобы спал побольше ненормальный родственничек, чтоб не шумел, послушно пол подметал, в магазин ходил. Лекарствами всех нервных людей кормят ещё и из рыночных соображений. Они же дорогие, если не бесплатный рецепт, как у нас.

О л е с я . В психушке с месяц поспишь на лекарствах, а потом все страхи, навязчивости возвращаются, потому что лекарства их только глушат, но не лечат. Это у кого острое помешательство, домашних не узнает - ну там да, без лекарств не обойдешься.

В е р а В а с и л ь е в н а . Плохих людей так много стало. Обманывают друг друга, воруют, убивают...

Х а р и т о н . Этими плохими людьми, я полагаю, в основном сделались вчерашние никакие, то есть те, что при советской власти послушно делали то коллективное, что было положено. А теперь положено каждому заботиться о себе, а о других - это, дескать, их проблемы.

А р и н а . Дряхлая старушка в автобусе час стоя трясется - это её проблемы!

Х а р и т о н . Теперь говорят: о себе не позаботишься - никто о тебе не позаботится. Каждый сражается за себя, за своих близких. Это же так ярко видится и в американских фильмах у Нади.

О л е с я . Я думаю, не способна же Россия так легко проамериканизироваться.

А р и н а . Вот эти никакие, о которых Харитон говорил, - они на это способны. У них лица-то своего, своей российской души нет. Оттого и настоящей душевной болезни нет. Только лишь пьянство, наркотики. *(Плачет.)* Я так хочу быть здоровой!

С т е п а н . А наш духовный оазис американизировать и подавно не удастся: у нас и телевизора нет, и вообще мы уползем, спрячемся в наш уютный российский девятнадцатый век. Не то с этой американизацией нам так худо будет, что совсем себя потеряем, в черную пропасть улетим.

Х а р и т о н . Со мной такое состояние по временам случается, будто я не только один в черном бездонном Космосе, но и себя безвозвратно потерял. И вот тогда в этом жутком страхе хватаюсь за вас всех, за всё родное, близкое мне, за родной русский одуванчик, лопух, за простые русские слова, как Тургенев. Разве я мог бы жить в Америке или вообще в какой-нибудь не нашей обстановке!

О л е с я . Со мною тоже подобное случается. Помогает только, если схватишься в это время за дорогое, близкое.

В е р а В а с и л ь е в н а . И я погибну без нашего теплого, родного воздуха общения и без моего дневника. Здоровые,

нормальные любить нас по-настоящему, без чувства жалости к инвалиду, не смогут. Нам остается любить друг друга.

Степан. И мы лучше, выше здоровых. Не все нервные, нет. Иные нервные могут быть не только недобрыми, но и безнравственными бандитами, агрессорами-садистами. Я говорю лишь о таких слабых, как мы, дефензивных, с переживанием своей неполноценности, с чувством неосознанной, неизбежной вины своей перед кем-то за что-то.

Олеся. Вокруг нас всё вверх дном! Ничего святого не остается, ни доброты, ни заботы о слабом. Только здесь у нас и сохраняется настоящее человеческое добро.

Арина (Олесе). А я до встречи с тобою думала, что ты фик-фок на правый бок.

Каше хлебцов. Нет, в Америке нашему брату жить нельзя: и природа другая, и американский прагматизм.

Вера Васильевна. Прагматизм - это практичность сильная?

Каше хлебцов. Практичность как-то по-своему тепла, естественна, даже размашиста, как у русских купцов из Островского, а в прагматизме внутренний суховато-строгий расчет, без душевного чутья.

Арина. Он даже в американской эротике сквозит.

Вера Васильевна. И у нас уже бог знает что делается! Раньше парень девушку стеснялся на улице за руку взять, а сейчас на каждой улице стоят и долго, балдея, целуются взапас, ни на кого не обращая внимания.

Арина. Ушли доброта, тайна влюбленности. Одна холодная чувственность. Девушки, женщины одеваются так, что всё у них открыто на теле или выпячивается. И ко всему этому голому мужики могут прикасаться своими похотливыми ручищами, фу! Это же какое-то возвращение к животной, псиной жизни.

Вера Васильевна. Мы вот всех ругаем-критикуем, а если посмотреть на нас свежим глазом сбоку - сами-то мы для чего? Какая от нас польза? Вот Харитон говорил, что для каждого своё, и все люди, не бандиты, по-своему нужны.

А мы для чего нужны?

С т е п а н . Вот и Надя сегодня спрашивала, в чем польза от нашего тут инвалидного пенсионного существования. Дело, думаю, в том, что гений всегда душевно болен, поскольку подлинно высокое творчество есть лечение от патологической депрессии. Кречмер в книге "Гениальные люди" так и пишет, что, может быть, это обидно для здорового человека, но истинно, по-большому творческий человек всегда больше, меньше ненормален. Это я не к тому, что мы тут все гении, хотя жизнь наша ещё не прошла и чем черт не шутит. Может быть, Харитон?.. Ну, не буду об этом. Итак, именно мы, нервные, с переживанием своей неполноценности люди, составляем ту бесценную почву, на которой вырастают гении. Далеко не все ненормальные есть гении и даже таланты, но чем больше ненормальных, тем больше гениев. Вот в чем штука! Почему в крохотных странах с неразвитой культурой редко рождаются гении? Потому что там вообще культурных, генетически одухотворенных людей меньше, а ненормальных совсем мало. Вот для чего мы нужны - мы готовим почву для рождения гениев. Поэтому и преступна наука по улучшению человеческого рода стерилизацией душевнобольных. Какие бы мы ни были нахлебники-идиоты с точки зрения здоровых, но именно в нашей среде зарождаются гении и от нас происходит энергетическое поле бескорыстной заботы друг о друге. Поле это рассеивается-распространяется в мире ледяных, бездуховно здоровых, механических людей, и, может быть, они немного оттаивают, благодаря нам. Вот во имя чего мы мучаемся.

Х а р и т о н . Гениально! Такого не услышишь в университетах!

А р и н а . А я всё равно хочу быть такой как все - без творческого вдохновения, но и без страдания. Нарожала бы детей и варила бы им обед.

У Харитона в руках оказывается маленький магнитофон. Х а р и т о н встает, включает магнитофон, ставит его на стол. Танцуют под тихую музыку Чайковского ("Времена года"), не заглушающую разговор, как будто бы продолжается разговор за столом. К а ш е х л е б о в танцует с Верой

Васильевной. Степан с Ариной, Харитон с Олесей.

О л е с я . Убеджена, что мама умерла от недостатка тепла к ней, заботы. Сандро ни разу не принес ей бородинского хлеба с рокфором. И я огорчала маму своей депрессией, страхами.

Х а р и т о н . Как-то не случайно оказались мы все вместе в этой жизни, в этой квартире, а могли бы и вообще не родиться.

С т е п а н . Вот почему надо всегда благодарить и благодарить в душе своих родителей. Да, мы депрессивные, нервные, страдающие, но разве и для нас не чудный подарок наша жизнь, если вспомнить, что, действительно, можно было запросто и вовсе не родиться, если вспомнить, во имя чего мы мучаемся.

О л е с я . В поезде, в тамбуре, смотрела в окно и думала: зачем все эти дома, перелески... Через тысячу лет всё будет здесь по-другому, ещё через тысячу - по-третьему. Исчезну без всякой памяти обо мне, как муравей, муха. Зачем жить, горько сознавая всё это, в отличие от муравья. Вера моя вдруг меня там совсем оставила. Так стыдно сейчас. А теперь знаю: живу и буду жить для вас, для нашей теплой заботы друг о друге, для любви. Сандро хотел путешествовать с мамой и со мной на своем белом мерседесе по Франции, Швейцарии, а я, кажется, никогда никуда не захочу уехать из этой квартиры. Господи, за что мне всё это прекрасное посылается?!

Х а р и т о н . Восемь лет назад умерла бабушка Наташа. В ней было столько всяких поганых болезней! А теперь вся эта дрянь сгнила на кладбище, как сгниет в своё время моя деперсонализация, а чистая, теплая душа бабушки и запах вишневого варенья, которое она варила, живут и живут во мне.

О л е с я . Ты там, в том мире, еще встретишь бабушку. Мы все там встретимся, но в какой-то своей светлой доброй прозрачности, уже без тела, без земных забот... Завтра пойдем на кладбище?

Х а р и т о н кивает.

К а ш е х л е б о в . Да, у нас своя, задушевная логика, непонятная трезвым, нормальным людям. И вот Олеся своей задушевной логикой так быстро с нами соединилась.

Пауза.

Я все-таки, кажется, поехал вниз. Внешне бодрюсь, а краски жизни уже тускнеют...

Х а р и т о н . Ничего, мы тебя поддержим... Рисовать завтра с тобой будем, поучишь нас... Маму в прошлом году четыре месяца оживляли-согревали, тормошили, и без лекарств, без Маргаритки обошлось.

К а ш е х л е б о в . Да мне с вами ничего не страшно.

В е р а В а с и л ь е в н а . И мне тоже. Ребята приносили мне Иван-да-Марью, Глухую крапиву с беленькими цветочками, а зимой шишки, сосновые и еловые.

А р и н а (*прижимается к Степану*). Не думай о Нине Чавчавадзе хотя бы тогда, когда танцуешь со мной.

С т е п а н . Сейчас думаю с тревогой только о том, что мог бы не родиться. Но вот родился и танцую с тобой.

А р и н а целует его руку.

А р и н а . Я не буду приставать к тебе в том мире, о котором говорила сейчас Олеся. Я хочу там только незаметно присутствовать где-то рядом с тобой. Здесь это не получается.

К а ш е х л е б о в . Завтра будем учиться рисовать акварельными карандашами. В галерее перед подлинным этюдом Поленова опять посижу... Я в душе то царь, хотя и какой-то механически-искусственный, то большая умирающая рыба. Хуже мне. Последние ночи все снятся черные пропасти, в которые падаю, падаю в ожидании, когда же расколошмачусь. Знаю ясно только одно сквозь всю эту жуть, что всех вас люблю.

В е р а В а с и л ь е в н а (*Кашехлебову*). Это, в конце концов, не важно, что я так душевно тянусь к тебе, а ты к Арине, а Арина к Стёпе. Завтра все тут может перемениться - Стёпа тепло потянется к Олесе, а Олеся к тебе. Главное, что в на-

шем доме живут любовь, мечта, живое человеческое добро, забота, и они только принимают разные формы. Главное, что это душевное, светлое, теплое образуется из всех нас и всех нас связывает в целое, и нам трудно друг без друга.

Х а р и т о н . Сегодня, в свой счастливый день рождения, я понял... Часто нам кажется, что можем любить как эти нормальные люди в своих цветастых эротических фильмах, но на поверку оказывается, что нет, не можем: а - только по-другому, глубже, по-своему, может быть, даже еще более остро, но по-своему. Вот, например, как Ариша. И глупо нам пятиться от своего, одухотворенного, к общелюдскому, чувственно-нормальному, примитивно-земному. Нужно и здесь быть по-настоящему собою. Только важно жить вместе с теми, кто тебя понимает.

К а ш е х л е б о в . Вся эта физика любви, даже когда она меня иногда охватывает пламенем, всё-таки - что-то ненастоящее, какое-то инструментальное, бутафорное. Химическое, грубое, без нежного теплого духа, пламя. Вся моя подлинная нежность - в наших солнечных отношениях и ещё в акварельных пейзажах. Как хочется ещё и ещё, как-то побольшему о всех вас заботиться, любить вас. Ведь только это освещает мою душу. *(В танце нежно прижимает к себе Веру Васильевну и целует ее в висок.)* Сплоховал я с этой почкой. Надо было, наверно, из Москвы доллары почтой сюда послать или как-нибудь через банк...

В е р а В а с и л ь е в н а . Никто из этих здоровых и не подозревает, какие замки Любви-Красоты-Гармонии у каждого из нас в душе.

А р и н а . Разве мы отдадим эти замки за японские машины, роскошные розово-кирпичные дачи! Эти замки есть свечение нашего вдохновения, то есть счастья сквозь все заросли наших страданий.

К а ш е х л е б о в . Да, в Америке всё не так. Ярче и холоднее.

С т е п а н . Любое творчество, хотя бы общение с созвучной тебе книгой, даже любой книгой, но общение по-

своему, высвечивает ценности неповторимой твоей души, этот самый замок вдохновения, счастья.

Х а р и т о н . Любовь и творчество...

О л е с я . Думала, нет у меня теперь квартиры - так буду ездить по российским вокзалам, жить там милостыней и уходить всё глубже в свой мир. Я ужасно намучилась в жизни холодной бесприютностью и теперь боюсь потерять всех вас, наш духовный сад.

В е р а В а с и л ь е в н а . Что бы ни было с нашей бедной страной, мы будем только крепче и нежнее держаться друг за друга. *(Вздыхает.)* Надо же! Мы, инвалиды, едим кашу с петрушкой и счастливее здоровых!

С т е п а н . Я мог бы не родиться, если бы моего отца комиссия направила не в Саратов, а в Курск. Или мог бы родиться каким-нибудь не таким. Но вот я такой, какой есть. *(Смеется.)* И боюсь, что умру прежде того, как завершится мое подлинное духовное развитие. Оно совершенно необходимо для общения с Ниной.

А р и н а . А со мной?

С т е п а н . И с тобой тоже.

О л е с я . Можно я тоже прочитаю вслух созвучное мне из Гёте? В переводе поэта Непокойного.

Все останавливаются в танце в знак согласия и, обнявшись, готовы слушать. Х а р и т о н выключает магнитофон.

Обширен, прекрасен мир,
Но как благодарен я Небу,
Что садиком лишь ограничена
Собственность моя.
Верните меня домой,
Зачем садовнику путешествовать?
Только содержание садика
Почет ему дает и счастье.

К а ш е х л е б о в *(вздыхает)*. Это как раз для меня и про меня. Чудесно!

Пауза.

Какое множество здесь у нас ягод рябины в это лето. И уже красные. Так рано...

А р и н а . И так много, даже в городе, Иван-да-Марьи. Желто-фиолетовые заросли.

В е р а В а с и л ь е в н а . Всё это предвещает большие морозы зимой и что-то необыкновенно светлое, доброе среди зимы.

С т е п а н . Мы не с социализмом и не с капитализмом, а просто друг с другом. Самое светлое - это то, что мы вместе и - с нашей родной природой.

Входит печальная Н а д я . В руках у нее цветастая кастрюля с вареной свининой и горохом. Все застыли, смотрят на неё в ожидании. Лицо Нади постепенно проясняется, светлеет. Вот она уже улыбается, смеется. Х а - р и т о н незаметно нажимает кнопку магнитофона - и снова тихая музыка Чайковского из "Времен года".

Занавес

1998